

ПРАВИЛО ДЛЯ ДВОИХ

Виктория Мальцева

Виктория Мальцева

Правило для двоих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68942016

SelfPub; 2023

Аннотация

Живёшь себе, бежишь вперёд, даже задуматься некогда. А потом в соседнюю квартиру въезжает девушка, и твой прежний мир переворачивается с ног на голову. Только успевай держаться.

Содержание

Глава 1. Соседка	4
Глава 2. Сети	11
Глава 3. Правило для двоих	13

Виктория Мальцева

Правило для двоих

Глава 1. Соседка

В пятницу выяснилось, что в соседней квартире будет жить девушка. Коробки с вещами помогали таскать студентки-подружки и парочка взрослых, наверное, родители.

Всё утро субботы грузчики материли лакированное пианино, не влезшее в лифт. Было интересно смотреть и ждать, когда же соседка от него откажется, заменит на электронную копию, удобную, компактную, готовую вписаться в любой интерьер. Но нет, понятия не имею, как ей это удалось, но двое расстроенных мужиков всё-таки подняли его на восьмой этаж. По лестнице.

В воскресенье у меня дежурство, и уже у лифта в грудь воткнулась картина, замотанная в пищевую плёнку. За картиной была соседка, сантиметров на двадцать ниже меня ростом. Мы поздоровались. В её глазах мелькнуло усилие запомнить моё имя. В лифте прижимались к стене ещё несколько картин – пришлось ей помочь и вытащить их, прежде чем отправиться в больницу.

На моих стенах нет ни картин, ни фотографий, хотя в новой квартире я живу уже больше месяца. Были мысли что-

нибудь купить, да повесить, но мозг категорически отказывался функционировать в направлении «что, в какой рамке, на какую стену и в каком углу». Я человек далёкий от искусства. При раздаче талантов мне не досталось ни одного. А если и досталось, то, очевидно, он или они умерли в зачатке.

Квартиру мне подарила мать. Она бухгалтер, человек непоколебимых жизненных установок: двое детей, обоим высшее образование и по квартире в новостройке. Поэтому все те двадцать пять лет, что мать возглавляла бухгалтерию магазина светильников на территории городского рынка, из её зарплаты ежемесячно откладывалась сумма на жильё детям. Брату повезло больше – он свою получил ещё в шестнадцать. Мне же пришлось прождать всё студенчество, когда же достроится моя высотка. Из первоначально запланированных трёх лет ожидания как-то само собой вышло пять, а теперь, в интернатуре, мне уже и не до бурной жизни. Когда-то очень хотелось, а теперь... добраться бы до подушки, иной раз и на душ сил нет.

В семь вечера среды по моей квартире потянулись музыкальные пассажи. Я хоть человек и не творческий, но к музыке всё же отношусь с уважением, особенно когда вынимают её из громоздкого лакированного ящика так умело. Не раздражали даже паузы и повторы в особенно сложных местах. В девять вечера, лёжа в постели и уже закрывая глаза, мне только подумалось: «А было бы тише, если бы соседка играла не на настоящем инструменте, а на его электронной

подделке?» Как бы там ни было, после десяти всё стихло.

В пятницу пришло осознание, что в этот долгострой всё-таки не доложили бетона – за стеной звонко переливался девичий смех, к соседке явно пришли подружки. До моих ушей отчётливо доносились поздравления с новосельем и звон бокалов.

В субботу в квартире загремел рок восьмидесятых. Отдельных реплик в гуле толпы было не разобрать, и только когда на балкон кто-нибудь вываливался, до меня доносилось «Стас, захвати пиво!» или «Ха-ха-ха, Го-го-го» или «Офигенный вид, Маринка! С обновкой! А соседи у тебя адекватные?» и снова «Ха-ха-ха-ха, Го-го-го-го». Не то, чтобы я сильно против, но мне на работу в пять.

«Ха-ха-ха» и «Го-го-го» продолжались до полуночи, после стало чуть тише и мне даже удалось уснуть. Была, конечно, мысль сходить к соседке и культурно попросить, но не хотелось с первых же дней соседства расставлять пальцы и корчить из себя гражданина с правами. В следующий раз обязательно скажу, но новоселье так уж и быть, пусть справит с размахом. За обе наши квартиры. Стены-то тут, как оказалось, такие тонкие, что смело можно считать: субботний вечер соседки с размахом окрестил и моё жилище.

В час ночи меня разбудили стоны. Спросонья не сразу дошло, кому плохо и почему. Когда всё случилось, от шока лежалось спокойно и с завистью смотрелось в потолок. Стоны были только женскими. Одна женщина, один голос, много

стонов. Потом на пару мгновений всё стихло, однако возобновилось с новой силой и под аккомпанемент чего-то, долбящегося о мою голову.

«Квартиры расположены зеркально» – осенило меня. Спинка соседской кровати, очевидно, утыкается в спинку моей, а между ними тонкая стеночка шириной в один кирпич. Если приложить к ней ухо, будет чётко слышно каждое слово, произносимое негромким мужским голосом. Он молот. И, похоже, неутомим.

Когда стоны сменились криками, мои зубы сами собой закусали губу.

На кухне было не так слышно. Чашка полуночного чая помогла смиренно пережить второй раунд. Когда после очередного крика соседка умолкла, мои ноги вытянулись под одеялом, но... постель словно уже была не той. Не было мягкости, не было расслабляющей неги, растворяющей мысли в сон. Часы на телефоне показывали 1:39.

Пришлось заставить себя закрыть глаза и уснуть. Потому что, как бы ни была растрёпана душа, как бы лихорадочно мозг не бился в конвульсиях сомнений о том, что ценности – ложь, цели – чья-то манипуляция, а жизнь живётся не по своим правилам, завтра мне на работу. Завтра я буду прижимать стетоскоп к грудинам, выслушивать жалобы, изучать формулу крови и лейкоциты в моче.

Разбудил глухой мужской стон – очевидно, с женскими моя психика уже смирилась и позволила под них мирно

спать. Но вот мужской...

На часах было 3:20, в душе раздраз, злость и желание убивать. Не думая, кулак сам собой занёсся над стеной и принялся долбить, что есть мочи, за всё: и за музыкальные пассажи, и за девичник, и за дискотеку восьмидесятых.

Здесь живёт человек, в конце-то концов.

Опомнится удалось, только когда в локте стало стрелять. Соседская страсть уже давно унялась, но моей руке, похоже, на это было наплевать. Долбила она с остервенением и уже не за соседские грехи, а за собственные неудачи, поломки, ошибки.

Истерику пришлось залить корвалолом. Всего пол-ложки легко трансформируют выгоревшего безумца в человека разумного, всегда собранного и взирающего на несовершенство мира с пьедестала неуязвимого спокойствия.

M83 – Radar, Far, Gone

Будильник на мобильном сработал в шесть. Душ помог проснуться – я практикую контрастный, он придаёт сил на весь долгий путаный день. Орудя зубной щёткой во рту, я заставила себя вспомнить о том, что понедельник – мой выходной. Ещё один день пережить. Только один. И будет отдых. Схожу в парк.

Кусочек масла, ломтик сыра, хлеб поджарить в тостере. Кофе крепкий, почти густой, такой, чтобы аж язык вязал. За окном рассвет, скоро день летнего солнцестояния. Я беру чашку и выхожу на балкон.

Тот гений, что вообразил это здание, а после доверил свои идеи бумаге, спроектировал балконы ступеньками. Мой задвинут чуть вглубь, поэтому соседке, чтобы увидеть меня, нужно только повернуть голову. А мне поворачивать ничего не надо – стоит только балконную дверь открыть и видно соседские владения, как на ладони. Хозяева других квартир уже начали прилаживать перегородки – кто из мутного оргстекла, а кто временно из фанеры или даже картона. Когда-нибудь и мы с соседкой что-нибудь да изобразим, как-нибудь да создадим иллюзию уединения, но пока ничто не препятствует мне видеть его спину.

На нём только джинсы. В руках сигарета. Он прижимает её к губам, щурясь затягивается и машинально бросает взгляд в сторону движения.

Я застываю с чашкой в руке и смотрю на него в упор.

Первый же порыв, конечно, развернуться, сделать шаг, задвинуть за собой балконный слайд и удалиться в свой мир. Но ноги парализовало. Босые ступни примёрзли к бетону. Не шелохнуться.

Он тоже не выдыхает дым – так и стоит, таращится расширившимися глазами.

Розовый рассвет окрашивает его обнажённое по пояс тело обманчивым загаром, но чем дольше мы стоим, тем сильнее его вспучивает гусиной кожей. Холодно, наверное.

Опомнившись, он бросает изрядно сотлевшую сигарету в банку, стоящую на полу, отводит взгляд.

Я тоже люблюсь на рассветное небо.

Наконец, он обнимает себя руками, но прежде в глаза бросаются его сжавшиеся до кнопок от холода соски.

Этот факт вызывает иррациональную улыбку, и, прежде чем я успеваю залить её глотком кофе, его лицо снова поворачивается в мою сторону. Наверное, остатки, ошмётки моей улыбки ему всё же удаётся поймать, потому что его губы тоже расплываются, причём как-то так до боли в сердце неумолимо, против его желания, против моего, вопреки.

Он узнал меня. Я его тоже.

Глава 2. Сети

Never A Lover – Clem Leek

У меня никогда не хватало времени для соцсетей, даже в школе. Тем не менее, они у меня были. И, конечно, нет-нет да наведишь адово изобретение – то связаться с кем-нибудь нужно, то разыскать.

Я ехала в метро, и сложно теперь сказать, как именно вышло, что мой взор зацепился за публикацию, ведь привычки пролистывать ленту не было. Очевидно, мне просто уже очень надо было остановиться.

В публикации на сером безликом фоне ярко светились слова. Не прочитать их было почти невозможно: они сами прыгали в глаза и непрошено одно за другим опускались на дно души. От их веса, причём благодатного, нежно согревающего изнутри, больше не хотелось и не могло двигаться, по привычке рвать вперёд. Я так и сидела, застыв, словно бы кто-нибудь огрел по темечку, и слушала тишину внутри себя.

Это было что-то вроде стихотворения. Точнее, строки на стыке поэзии и прозы, и даже сама эта нестандартная форма повествования недвусмысленно транслировала бунтарский дух автора. А бунтовал он против боли. И сожалел, что человек способен чувствовать вопреки.

Уже дома, едва ли не с трясущимися руками я нашла его страницу в сети. Подобных стихотворений там оказалось

много, как и тех, кто зорко следил за появлением новых. Мне нравились далеко не все, но очень многие били наотмашь, жёстко хлестали по больному, терзали самые тонкие и самые уязвимые струны человека чувствующего.

Спрятавшись под лаконичным псевдонимом, за все годы тайный поэт ни разу не показал ни лица, ни кусочка жизни. Всё, чем он хотел делиться – в его словах, и почти все они о боли и о любви. В публикациях со стихами всегда отключены комментарии, потому что, по мнению бывалых, все они написаны и обращены только к одному человеку. Однако поклонники отводили душу под репостами с дружественных автору страниц и от души изливались признательностью и восторгами. Автор скромно благодарил тех, кто озвучил его стихи или смонтировал видео, на похвалу никак не реагировал. Создавалось впечатление, будто он ей не рад.

Никто не знает, как он выглядит, где живёт, как на самом деле его зовут и как зовут ту, кому посвящены его слова.

«Кто он? Гений? Или ему 70?» – спрашивали друг у друга люди. «Он, поэт, который чувствует слово :)» – отвечали сами себе.

Глава 3. Правило для двоих

Susanne Sundfør – alyosha

Моя группа отмечала окончание учёбы в ресторане у реки. Это, конечно, был ещё не конец всей учёбы, но хотя бы окончание первой её части – впереди интернатура и ординатура для тех, кто не планировал работать врачами общей практики, а метил в узкую специализацию.

Само собой, большинство настроились всей толпой встретить рассвет, но меня усталость заставила снять каблуки и понесла босиком вдоль набережной к дому. Как только небо начало светлеть, утомлённость, как и хмель, куда-то пропали, в сердце затаилось странное и непонятное чувство сродни ожиданию чего-то прекрасного.

Я зашла в круглосуточную кофейню, купила пончик и стакан капучино. Путь мой лежал теперь в секретное место – на крышу, где, казалось, счастье ближе всего.

Зажав пончик в зубах и строго запретив себе жевать и глотать прежде времени, я одной уверенной рукой цеплялась за поручень ведущей к цели лестницы, во второй сжимала обжигающий ладонь стакан. Мне нужно было во что бы то ни стало успеть к первым лучам солнца – с погодой несказанно повезло, небо было ясным.

Уже наверху обнаружилось, что в волшебном месте я не одна: впереди на бортике сидел парень. Его ноги опасно сви-

сали вниз, и единственное, что хоть как-то внушало уверенность в том, что самоубийство сегодня – не его цель, это широко раздвинутые для лучшей устойчивости колени. Он увлеченно что-то писал в своём телефоне.

Я устроилась чуть поодаль, стараясь ему не мешать, откусила кусок испачканного в сахарной пудре пончика, сделала глоток кофе. От удовольствия захотелось закрыть глаза, но спина парня, обёрнутая светлой футболкой, не отпустила. Смотреть на него было интереснее, чем на сам рассвет. Приятнее, чем жевать сладкий пончик, волнительнее обжигающего кофе.

Когда показались первые звонкие лучи, а за ними и край солнечного круга, парень оторвался от телефона и замер в созерцании.

Я тоже перестала жевать – кусок пончика так и застрял во рту.

Внезапно, уже на залитой апельсиновым светом крыше, парень поднёс телефон к губам и, очевидно, включив диктофон, проговорил несколько фраз.

И сами эти фразы, и то, как они были собраны, привело меня к мысли, что он художник, и его краски – слова. Рисует он ими хлёстко, метко, пронзительно.

Звёзд на небосклоне не счесть, но есть самые яркие. Искать их не нужно, не нужно вглядываться – сами бросаются в глаза.

От переизбытка эмоций, от осознания, так и не пережё-

ванный кусок пончика угодил куда-то вглубь моего горла. Организм, конечно же, сразу отреагировал – бросился меня спасать, разразившись приступом кашля.

Парень подскочил, как ошпаренный, и кинулся ко мне со словами:

– Эй! Ты в порядке?

Я только могла кивать головой, а он прижал ладонь к месту между моих лопаток, раздумывая, можно похлопать или нет, или это только усугубит моё положение.

Прокашлявшись, пришлось извиниться. Может быть, он бы заметил, как сильно я покраснела, если бы не инцидент, а так багровые щёки и алые пятна на шее вполне себе сошли за последствия несостоявшейся смерти от удушья.

Ничуть не колеблясь, он уселся рядом и стал наблюдать за тем, как солнце окончательно отрывает свой край от горизонта, обещая миру новый день.

– Можно откусить? – спросил парень, сжимая своей ладонью мою вместе с пончиком, и, не дожидаясь ответа, оттяпал половину.

– Угу. И запить тоже.

Я протянула ему стакан, а он, не отрывая глаз от небесного представления, сделал целых три щедрых глотка. Меня обуяло чувство, близкое к эйфории. К экстазу. К оргазму души.

И я произнесла:

– *Это было правилом для двоих...*

Он замер, перестал жевать, и я слишком долго ощущала

щекой и виском его взгляд, но так и не повернулась, чтобы встретиться. Я ждала, что он продолжит, завершит свою мысль на новый лад. Но ошиблась, он не проронил ни слова.

Потом мы брели по набережной, он что-то весело рассказывал о своих друзьях, сыпал анекдотами, я шокировала его историями студентки медицинского. Когда солнце поднялось высоко и лучи его стали смело кусать за плечи, зазвонил телефон. Не мой.

Он ответил, пообещал кому-то на том конце Вселенной скоро быть, и улыбнувшись на прощание, сказал:

– Мне пора.

– Пока, – согласилась я.

Вечером открыла его страницу в соцсети. Поклонники неистово лайкали новую публикацию, как всегда с закрытыми комментариями.

Раз в полгода. Примерно раз в полгода он появлялся и радовал тех, кто ждёт. А потом и вовсе пропал. В комментах к старым репостам потянулись слухи, будто бы поэт женился, завёл детей. Но, как водится, никто ничего не знал наверняка.

Я посмотрела на цифру, обозначающую количество подписчиков. Сто тысяч. Сто тысяч влюбленных в его мысли. И как минимум один в него самого.

Конец

Всё выдуманно, любые совпадения случайны. На рассказ вдохновило стихотворение Джио Россо «Мы играли весело» и его душевное прочтение от Ольги Морозовой – есть в свободном доступе в сети.

Хочу выразить благодарность поэту за творчество и разрешение процитировать стихотворение целиком.

Джио Россо, Мы играли весело

Мы играли весело целый год: я стоял на месте, ты шла вперёд. Ты держалась курса, я метил в цель. В промежутках были: коньяк, постель, сигареты, кофе, цветной экран, поезда, подземки, огни реклам. Кавардак, сумятица, ерунда; ничего о нежности, ни-ко-гда.

*Это было правилом для двоих: ничего не значащий пере-
них. Не касаться сердца, не лезть в нутро, счёт вести по станциям на метро. Знать привычки тела, но не души, нет обета верности – нет и лжи. Не учить, не строить, не приручать. Проходить маршрутом: такси-кровать.*

Не стрелять в затылок, не бить под дых – это было правилом для двоих.

*Это было правильным – мир жесток. Если только выставишь голый бок, если только скинешь с себя броню, то сейчас же выкосят на корню. Если дашь предательски сла-
бинку, то разбитым бригам пойдёшь ко дну. А решишь от-
крыться, ну что ж, держи: получай картечью по струнам*

эжил. Будь сожжённым заживо, но терпи, только опыт в памяти закрепи. А любовь – лишь фикция, просто страсть, половые фрикци, пот и грязь. Коматоз рассудка, прыжок во тьму.

Ни к чему нам всё это.

Ни к чему.

Мы играли весело целый год: покрывался звёздами небосвод, снег летел на шапки, свистел Борей, теплотрассы нежили голубей. Ты смеялась весело и легко, и ловила искорки языком. И зачем-то в рёбрах сердечный ком трепыхался каменным мотыльком. И зачем-то я растерял запас всех банальных слов, всех избитых фраз. Растворились уличный шум и гам, и народ, что двигался по домам. Я стоял, наполнившись вдруг свинцом, и держал в ладонях твоё лицо, повторяя пальцами контур скул.

*Я пропал, любимая,
я продул.*